

Цена 15 копеек.

**КНИГА
ДЛЯ ВСЕХ**

**ОГНЕННЫЕ
АТМ**

АНТОН ГОРЕЛОВ.

ЛЕНИНГРАД

изд. „ДЕШЕВАЯ КНИГА“

МОСКВА

АНТОН ГОРЕЛОВ.

ОГНЕННЫЕ ДНИ.

Издательство «Дешевая Книга».
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА.
1925.

Типография Л.С.П.О. Ленинград, Лештуков, 13.

Ленинградский Гублит № 13190.

Тираж 15000.—2 л.

1. Скрюченный труп.

Сеть проволочная — не прокусит дойманый зверь.
Звонки.

У начальника Г.П.У. Титова навек к коротким, как телеграфная депеша, словам.

— Политуправление. Слушаю. Вардин?!

Стиснул трубку. Сквозь зубы:

— Через десять минут буду у вас.

И на ходу:

— Они начинают коготки показывать!

Две минуты—передача неотложных дел помощнику.

Восемь минут—бешеная езда в авто.

Больница Эртеля. Покойницкая.

Синий труп.

— Бедняга. Они тебя разделали чисто!

И отвергиваясь, встряхнув головой:

— Рассказывайте.

Больничный сторож и шоффер скорой помощи многословны.

— Покойник доставлен в больницу 27-го. Найден на Советской, недалеко от площади, со слабыми признаками жизни. Судорогой сведенным ртом он кажется произнес несколько раз какие-то цифры.

— Цифры?

Начальник Г. П. У. сверлит глазами. Шоффер мнется.

— Боюсь напутать. Мне кажется, он сказал: 5,188.

— Подумайте хорошенько: не сказал ли он наоборот: 188,5.

— Пожалуй, товарищ Титов.

В это время вошел знаменитый химик, которому принадлежит изобретение знаменитого аппарата „Це“, сыгравшего в войне 1931 года такую громадную роль. Каждый знает его увесистую фигуру по снимкам, фототриффам в журналах, газетах. О нем это шутливое стихотворение:

Дюжий Пеллеров Прокоп,
Что ему врага подкуп!
Аппаратом правя „Це“,
Мнет улыбку на лице.

Действительно, Пеллеров удивительно веселый человек. Вот и сейчас он вкатился в покойницкую—и сразу сломал тишину ее и мрачность.

— Здравствуйте, друзья. Пришел взглянуть на убитого. Говорят, вскрытие не могло определить причины смерти.

Взглянув на мертвеца, Пеллеров отшатнулся.

— Но ведь это... позвольте... ведь это...

Титов сделал знак сторожу и шоферу. Они вышли.

— Позвольте, но ведь он отравлен тем веществом, к которому никто кроме меня не имеет доступа.

— Вы не хотите сказать, что отравлен Вардин вами?

— Я хочу сказать, что тут кроется тайна.

Пеллеров наклонился над трупом. Сведенное судорогой лицо Вардина синее, с каким-то отливом голубизны. Глазные яблоки и те пропитались синим веществом. Страшно было смотреть на вытаращенные мертвые глаза, переливавшие оттенками синей эмали.

Пеллеров ворчал, осматривая:

— Ясно. Никаких сомнений не может быть. Я вам мог бы показать трупы животных, над которыми я продельваю опыты. Яд этот — нечто вроде окиси. Он

почти безвкусен. Секрет его ничего еще не дает врагам. Они были близко у цели, но промахнулись

— Вы говорите туманно.

— К сожалению, пока не могу ясней. Могу сказать одно: что вещество, которым отравлен Вардин, составная часть „Синего камня“. А о нем речь впереди. Пока я заканчиваю последние опыты. Применение его должно положить конец затянувшейся на три десятилетия борьбе!

— Точка. Больше мне от вас ничего не надо!—воскликнул Титов: — скажите еще: вернетесь ли вы немедленно домой или останетесь в городе?

— Сейчас же на завод. У нас заканчивается самая ответственная часть работы над аэротанком системы „Лью“. Я должен присутствовать при отливке особых пластинок секретного состава и при сборке машин.

— В самом деле! — воскликнул как-то неожиданно радостно Титов: — я давно хотел посмотреть на ваши работы! Возьмите меня на завод!

2. Пинкертоновщина.

Дорогой, в авто, Титов расспрашивал маститого химика о новых аэротанках, о том, какую роль должны они будут сыграть, по мнению ученого, в надвигающейся последней битве с Капиталом.

Авто мчался по крепко мощеной дороге. Последние колокольни скрылись за хвойным гребнем. Титов электрическим всасывателем изменял свои черты лица. Смеялся:

— Совсем буду американец!

Проехали первую заставу. В полосу владений завода можно было проникнуть только по пропуску. На завод Пеллерова смотрели, как на главную базу красной армии. Десятки шпионов сновали вокруг заводов. Особезно волновал капиталистические круги слух о

каком-то новом составе, изобретенном Пеллеровым. Эти пластинки будто бы обладали способностью впитывать в себя распространеннейшие газы и тем самым должны были превратить химвойну в пустой звук.

— Однако, далекононько вы живете,—усмехнулся Титов, когда через четверть часа они все еще мчались по ровному шоссе в зеленом коридоре леса.

И вдруг, круто повернувшись к собеседнику, спросил:

— Итак, вы полагаете, что Вардина отравил ваш помощник Курковский?

Пеллеров вздрогнул.

— Ничего подобного я не говорил!

— Но вы утверждаете, что состав, который был причиной смерти, имеется только у вас?

— Да. И ключи от шкафа всегда в моем кабинете...

— ...который в свою очередь заперт?

— Который заперт в мое отсутствие, при чем ключ находится у моей дочери...

— Простите, я вас переблю... Когда ожидают вашего приезда? Сегодня?

— Сегодня вечером я обещал непременно быть. С утра завтра начнется литье.

— Не согласитесь ли вы проехать сейчас прямо в мастерские, не заглядывая домой? Я хочу попасть туда раньше вас.

— Пожалуйста,—поморщился Пеллеров:—только не слишком ли все это... по-пинкертоновски? Seriously, вы нелепое предположение строите! Курковский—преданнейший делу человек. И все таки он не обижается и не протестует, что я его, ближайшего помощника, не посвящаю в детали моих открытий. Он — машина — и точная машина. Берегитесь, товарищ Титов, ошибки. Заподозрить человека легко, а найти хорошего работника трудно вдвойне. Помните, как мы чуть было не нарвались на антантовского шпиона, назначив его на

ответственнейший пост? Курковский у меня на заводе с 1945 года, и все эти три года работает, не передохнув.

Пеллеров, произнеся длинный монолог, вскочил и отдал распоряжение шофферу.

— Но имейте в виду мои слова,—крикнул он вдогонку Титову.

Начальник Г. П. У. усмехнулся и сказал:

— Охотно верю в вашу искренность... Да. Еще секунда: итак—Титов подчеркнул свои слова—итак, Вардия, повидимому, умер по своей вине, неосторожно обращаясь с исследуемыми им химическими продуктами?

— Да, да, хорошо,—пробормотал химик:—химическими продуктами, так химическими, не возражаю.

Автомобиль круго свернул вправо, на мастерские. Титов направился пешком к заводу. Это была громадная котловина, застроенная железобетонными громадами. Словно с окружающих гор обвалились груды камня.

Как обгорелые сосны, торчали в этом ворохе трубы.

Неповоротливый дым облизывал крутосклоны и медленно уползал в ущелье.

Титов повернул влево, к дому Пеллерова, в котором неоднократно бывал.

3. Титов знакомится

Двух дочерей Пеллерова пикто бы не принял за сестер. Юлия—плавная, медленная, округлая. Варя—горячка, быстругон, заостренная. Юлия знает, что она красива. Варя—задумывалась ли когда над этим? Юлия дома, ведает хозяйством отца. Варя почти не живет дома. Она—партийный работник, она берется за опаснейшие поручения, она не живет—сгорает радостным

огнем. Вот и теперь ее уже больше месяца нет. Когда спрашивают о ней у Пеллерова, он коротко отвечает:

— В командировке.

Юлия не одобряет, видимо, поступков сестры.

— Не знаю,—говорит она:—мы не вмешиваемся в жизнь друг друга. Каждому свое.

Юлия больше всего дружит со своей старой нянькой, которая и теперь живет в доме Пеллерова. Часами просиживают старуха и девушка в зимние вечера, когда по горам ходит-гудет непогода. Юлия рассказывает Максимовне про свои сны. Во сне она часто видит какие-то старинные монеты, множество монет, будто она их собирает, как собирают ягоды. Иногда ей снятся совсем странные сны.

Качает головой Максимовна:

— Сиротки вы мои, сиротки, без матери какой дитяти рост?

И начнет, раскачиваясь медленно, рассказывать нянька о старине, о бывшем и небывалом. Много прожила старуха, много видела, ослепла даже—столько пересмотрела жизни.

Пеллеров корпит у себя в кабинете. Помощник его неизменный—Курковский, человек с металлическими глазами, возится в мастерской рядом.

А старуха и Юлия сидят в гостиной у печки. Так проходят длинные зимние вечера.

Земля вскипает новыми взрывами. Ломаются государства, как льдины, брошенные сердитой водой. Кипящая воронка рядом, бок-о-бок—Пеллеровский завод, сам Пеллеров, имя которого очень хорошо помнит любой банкир из Сити и каждый американский миллиардер.

Но в гостиной—чинные кресла, тихий уютный огонь, облизывающий губы. Старуха шепчет дремотно:

— И всегда это положено, чтобы не понимал старова, драхлова молоденькой. Только ты, Юленька,

слова мои понимаешь, речи мои слушаешь. Ох, не годишься ты для вонешней жизни. Не здешний ты житель, чужой...

Последнее время Пеллеров очень часто днями пропадает на заводе. Старуха прихварывает, днями лежит, совещается с богом своим:

— Устала я жить, господи. Прибрал бы ты меня, што ли?

В доме двое: Юля и Курковский. Их и увидел в окно Титов, подошедший к дому с большими предосторожностями.

Проникнуть в дом не представляло большой трудности. Курковский отчаянно чем-то скрипел. Титов проскользнул в дверь и прокрался мимо каморки охаживающей старухи. В кухне гудела печь. Из мастерской доносился визг напильника.

Титов прошел гостинную, темный коридор. Шаги его были уверены. Видно, что он хорошо знаком с расположением квартиры.

В конце темного коридора дверь. Теперь явственно слышны голоса.

— Эге,—подумал Титов:—они очень дружески настроены.

Напильник то умолкал, то отчаянно верещал.

Титов уселся возможно удобнее в темном углу за дверью и приготовился слушать, бормоча:

— Познакомимся, товарищи!

— Это тоже подтверждает лишний раз,—продолжал, повидимому, длинный разговор Курковский:—вы не годитесь для той жизни, в которую вы попали. Вы походите на заплутавшуюся в темном лесу принцессу.

— Какие он загибает штуки!—усмехнулся в своем углу Титов:—этот юноша кажется любитель принцесс.

— Разве для вас эта дыра,—окруженный заставами завод?! Медвежатник, глушь, леса на сотни верст, ка-

мень дикий, зима шестимесячная, пустой брошенный дом... Вы чахнете здесь, вы хуже пьяницы просаживаете жизнь...

— Как странно,—засмеялась Юлия:—вы говорите в точности, как Максимовна. Только она добавляет всегда, что мне нужны балы, дворцы и Иван-царевич...

— Ну, последнее необязательно, именно, чтобы царевич был Иваном...

Произнеся эти слова, Курковский заверещал сверлом.

— Чорт возьми,—возился в пыли Титов:—я пришел сюда не выслушивать дискуссию об Иване-царевиче!

И словно в ответ Курковский бросил какой-то металлический предмет в сторону и сделал несколько крупных шагов в сторону двери.

Титов затих.

Курковский спросил:

— Старуха лежит?

И потом каким-то особенно взволнованным голосом, заставившим Титова насторожиться:

— Юлия Прокофьевна! Вам не приходила никогда мысль: вдруг ваш отец внезапно умирает... крушение автомобиля, несчастье на заводе, обвал...

— Вы меня пугаете?

— И тогда гениальное изобретение исчезнет навсегда? Вам не страшно?

Юлия, видимо, взволнована неожиданным разговором о смерти отца. Титов слышит, как она молчит несколько секунд, переводя дыхание.

— Отец говорил, — начала наконец она:—в случае какого-нибудь несчастья нужно достать бумаги из шкафа—у него несгораемый шкаф—и передать в Цека.

— И вас никогда не подстрекнуло женское любопытство пойти и повернуть ключ в тайнике Синей Бороды? Вы, только вы, такая прекрасная, с таким власт-

ным лицом — должны бы владеть ключами от человеческих радостей. Вам не мешает спать отчаянная мысль — выкрасть из несгораемого шкафа чертежи и инструкции пользования этим чудовищным танком — и улететь?..

— Куда? — не сказала, а простионала Юлия.

— Туда, в тот стан. Вас там встретят с почестями, вас сделают королевой всей планеты, у вас будут пажы, тысячи розовых мальчиков, влюбленных в вас.. У вас будут длинные шлейфы, которые нужно нести сотне слуг.. У вас будут груды золота, горы вещей, дома, выезды..

— Оказывается, вы умеете рассказывать сказки не хуже Максимовны, — засмеялась Юлия: — Ну, так дальше?

— Чего же дальше? Дальше — счастье.

— Но ведь ваша королевна должна сделать кражу у отца?

— У отца? Ах! — Курковский досадливо повернулся на каблках. Титов услышал снова визжание ставка.

— Юлия Прокофьевна! — заговорил Курковский торжественным голосом, — я должен вам открыть тайну, если ее никто не открывает. Вы знали вашу мать? Нет? Знайте же, что вы — приемыш. Вы — дочь знатных родителей, эмигрантов, вернувшихся в двадцатых годах в Союз республик с родившейся за границей девочкой. Ваш отец вскоре был замешан в деле о шпионаже и расстрелян. Мать отравилась, прочитав приговор. Вас отдали в ясли, а после вы очутились у Пеллерова — бывшего рабочего, механика, прославившегося лишь в 1929 году и особенно с 31-го года. От вас это для чего то скрывают. Мне кажется, это подло — скрывать от дочери имена ее матери и отца.

Юлия слушала, затаив дыхание. Курковский делал паузы, вскрикивал, говорил шопотом. Юлия слушала, не шевельнувшись.

— Да, я что-то слышала, я что-то угадывала, — шептала она: — рассказывайте дальше..

— Вы аристократка. Пеллеров—рабочий. Вы—враги. И смотрите—разве удалось перевоспитать вас? Разве вы походите на эту стриженную Варю—вы, точеная из слоновой кости, с вашими властными глазами, с вашей походкой! Вы—прекрасная, утонченная душа, рожденная для поклонения, для славы... Вы!

Курковский остановился. Послышались рыдания. Юлия разволновалась, разнервничалась. Курковский молча наблюдал. Титов увидел, как плачущая девушка пробежала мимо, через коридор.

Оставшись один, Курковский расхохотался. Потом произнес, не разжимая рта:

— Ключуло!

И принялся за сверло.

4. Аэротанк.

Титов выбрался из дома той же дорогой, какой пришел. Дождался в условленном месте автомобиля Пеллерова.

Когда они вошли, оживленно разговаривая, Курковский все еще сверлил сталь. Юлия не вышла из своей комнаты. Но Курковский выбежал навстречу и помог Пеллерову снять пальто.

Быстро и ловко перевел разговор на машину.

— Вам моя машина не дает спать.

— Еще бы!—вскинулся Курковский и, обращаясь к Титову, который назвал себя летчиком, интересующимся работами Пеллерова:—вы знаете, мы работаем впотьмах, сами не ведая, что к чему. Труд разбит на мельчайшие части, механизирован до последней степени, многие составы наш маститый ученый плавил сам или приглашает на помощь совершенно несведущих людей, чернорабочих, своих прежних „соразработников“...

— Он прав!—воскликнул Титов,—но вы-то, надеюсь, посвящены во все тайны? Я вам очень завидую!

— Не завидуйте вы, девки, моей коффе голубой— как говорится в народной песне:—я знаю столько же, сколько вы. Ну, почему бы, например, Прокопу Ивановичу не показать нам аэротанк № 07, который стоит готовенький здесь, наверху, на приспособленном плаце?

— Мне неприятно, Вячеслав, отказывать вам в просьбе, но я не могу изменять своим порядкам.

— Вы знаете,—начал опять жаловаться Титову Курковский:—у Прокопа Ивановича кабинет—место, где не бывает никто. Дочь его, носит связку ключей и охраняет дом, как цербер. Это удивительно, что вас, постороннего человека, пропустили в мастерскую — мне кажется тут уже пересол..

— О, у меня целый пуд мандатов! — засмеялся Титов.

— Уговаривайте его показать нам аэротанк,—шепнул Курковский „летчику“.

— Да,—подумал Титов,—мне не мешает знать ход на этот таинственный плац. И принялся упрашивать вместе с Курковским Пеллерова.

— Пожалуй,—согласился тот нехотя,—но вы ничего особенного не увидите. Механизм забронирован. Машина под чехлом. Идите за мной.

— Но ключи-то у Юлии Прокофьеввы? — впился глазами в изобретателя Курковский.

Пеллеров внимательно посмотрел в его жадные глаза.

— Ннет,—сказал он веско:—ключи у меня.

Все трое двинулись по коридору и дальше по узкой витой лестнице вверх. Пеллеров шел впереди, за ним Курковский. Сзади всех Титов. Титов заметил, что Курковский внимательно изучает замки. Когда Курковский оглянулся, Титов сделал вид, что он тоже занят изучением замков. У Титова, видимо, составилась какой-то определенный план действий.

— Вот и плац. Чем не аэродром?—пробасил Пеллеров, и все трое наклонили головы, сопротивляясь ветру, гулявшему здесь.

— А вот и машина,—закричал Курковский и подбежал к огромному свертку брезентов:—не кажется ли она вам каким-то живым существом?

Он тыкнул в брезент рукой:

— Спишь, животное? Притворяешься кроткой, чистенькой, добренькой—в юбочку драпируешься, невинная девочка! А завтра, может быть, брызнешь кровью и захрустишь по человеческим черепам! Знаете,—обернулся он, и все увидели побледневшее, испуганное лицо:—я ее ненавижу и я в нее влюблен. Она мне, проклятая, снится, она преследует меня во сне!

Курковский остановился, засмеялся.

Когда Пеллеров отошел в сторону, Курковский попытался отломить краешек пластинки, торчавшей из-под брезента. Это ему не удалось.

Он стал осматривать плац и окрестности. Внизу громыхал завод. Вверху громоздились горы. Казалось, здесь в хаосе зачинается новая вселенная, походило, что здесь разразился длительный нескончаемый взрыв. Трубы ревели. Грохоли рельсы. Визжали лебедки. Сталь, недра уральских гор перерождались здесь в смиренных чудовищ, которые выстраивались затем в длинные ряды греть стальные спины под солнцем.

Титов подошел к Курковскому и шепнул:

— Дружище, я не ошибусь, если скажу, что мы с вами здесь по одному делу. Помогите мне устроиться ва службу и войти в доверие этого простака.

Курковский усмехнулся и ничего не ответил. Все трое направились вниз—обедать.

— А вы не бойтесь,—бормотал Курковский:— что враги прилетят, сядут на ваш плац и заберут машину?

— Помилуйте! Мы находимся в недрах Урала. Кроме того, машина выключена и важнейшие части хранятся отдельно. Нет, будьте покойны!

— Но есть ли хоть охрана? — не унимался Курковский.

— Вы сегодня удивительно любознательны! — остановил его Пеллеров и переменял разговор.

5. Заговор.

— Итак, вы зачислены вторым помощником и будете, главным образом, по испытаниям новых аппаратов, — сказал Пеллеров.

— Постараюсь оправдать ваше доверие, — сказал Титов, выразительно скосив глаза на Курковского.

Курковский спрятал улыбку в глазах. Целую неделю Курковский вышупывает Титова, проверяет, экзаменует.

Спят они через комнату. Курковский ночью недавно постучал к Титову и когда тот, сонный, отпирает дверь, Курковский спросил в упор:

— Где помещается Тайный Союз Золота?

Титов ответил без запинки. Не даром он изучал все сведения, имеющиеся в отделениях Г.П.У.

Курковский насмеялся:

— Вы не сердитесь, что я так недоверчив. Мы недавно чуть не наравались с ищейкой Вардиным. В настоящее время он снят.

— Простите, — пробурчал Титов, и в голосе его прозвучала горькая обида: — вы меня испытуете больше недели, а время уходит. Кажется, достаточно было моих документов?

— Теперь испытание кончено. Ваша ценность в том, что вы единственный среди нас пилот, знающий систему аппарата „Це“. Между тем, аэротанки очень сходны по конструкции.

— Что вы знаете о пластинках - поглотителях? — спросил возбужденно Титов; — за границей все пере-

пуганы. Возникал план об убийстве Пеллерова или о похищении его.

— Ну, это в крайнем случае. У нас уже выработан план, который чуть не расстроил Вардин.

— Сколько имеется людей? — спросил непринужденно Титов.

— Гм,—сказал Курковский,—это пока неважно. Вы поймете меня, что новичков мы несколько выдерживаем. Сначала нужно испытание в деле.

— Так вот поручите мне убить эту девченку — страшно вращая глазами, прсрычал Титов.

— Какую девченку?

— Ту, которая стоит на дороге со связкой ключей, как я понял из разговора в первый день, помните?

Титов сидел в одном белье на постели. Курковский шаркал туфлями взад и вперед по комнате. Свет не зажигали, это могло бы вызвать подозрение тем более, что по всему заводскому городку, по словам Курковского, шныряли шпионы и охранники, а над котловиной постоянно летал дежурный авиоциклет.

Титов великолепно разыгрывал роль горячего новичка. Курковский засмеялся:

— Девченок не убивают. Их... берут. Предоставьте мне раздобыть ключи, планы, нужные части машин. Заговор уже составлен, но осуществление его—не дело ближайших дней. Ваша роль—встать у механизма. Я думаю, вы получите хорошую долю при дележе.

— Входит ли в ваш план похитить одну авиотенку или всю эскадрилью? — спросил с горячностью Титов.

— Конечно, одну,—важно пояснил Курковский: — через год у нас их будет больше, чем в этой дикарской дыре. Самое важное, чего мы добиваемся — это украсть синий камень.

Титов насторожился.

— Нам удалось выкрасть вещество, с которым близко познакомился Вардин. Но это не то. Важное

приобретение, но не то. 188-ая химбаза, 5-й отдел — подвел.

— Что это за синий камень?

— Это то, чем Пеллеров гарантирует себе бессмертие, хотя открытие принадлежит его ученикам-лаборантам, а не ему... Итак, дружище, я пришел к вам сегодня сообщить, что вы приняты в нашу организацию. Проверочное испытание вам тоже назначено: вы должны пробраться за границу, получить инструкции из „Союза Золота“ и привезти их нам. Вы согласны?

— Да, это очень рискованное дело, — замылся Титов:—Но я, конечно, согласен. Смерги я не боюсь.

— Выехать нужно через месяц. Пеллерова я подготовил. Документы вручу вам своевременно. После вашего возвращения назначим окончательный срок.

6. Срок жизни СССР.

Курковским получено шифрованное извещение. Прогуливаясь, он шепнул Титову:

— Положение изменилось. Вы должны выехать не через месяц, а завтра же.

— Я готов,—произнес Титов. Поймав Пеллерова, он шепнул ему:

— Смените в мое отсутствие охрану 188 химбазы, 5-го отдела. Только не сразу после моего отъезда, недельку повремените. Я вернусь через месяц. С Курковским будьте настороже.

И вот Титов, при всяческом содействии агентуры Г.П.У. пробирается через границу. Он понимает весь риск поездки. Но рисковать—разве это не обычное состояние в его профессии.

Документы, полученные от Курковского, открыли двери в „Союз Золота“. Титов беседовал с теми, чьи имена часто встречал уже в прессе. Встречали ра-

достно. Засыпали деньгами. Устроили в честь Титова банкет. Из разговоров Титов уже понял, что там готовится что-то решительное и страшное. У всех на устах был некий Торн. Титову выдали одну всего бумажку, это было ничего не значущее удостоверение и подпись:

„7 ноября 1948 года.

Председатель „Союза Золота“
Стенлей Гвид“.

— Почему же ноября? Сейчас только еще июль?— спросил Титов.

— Это описка. Неважно! — засмеялся лысый джентельмен, вручивший Титову удостоверение.

Другой помоложе, остановил его:

— Зачем лгать, Том? Это наш человек и мы должны относиться к нему с некоторым доверием.

— Видите ли,—обратился он ласково к Титову:— вы еще новичок, можете влипнуть с бумагами. Между тем инструкции наши несложны и задания просты: сейчас первые числа июля, как вы верно изволили заметить. Следовательно, срок жизни СССР—четыре месяца...

Он сосчитал по пальцам:

— Август, сентябрь, октябрь, ноябрь... 7 ноября—дата, до которой вы должны или выполнить все задания, полученные раньше: похищение секретных бумаг, планов, а главное этого синего камня, о котором пишет Курковский. Если не успеете—вы должны просто взорвать весь завод, произвести панику, а мы будем действовать. Следовательно, использовать свой синий камень они не успеют... Хотя мы не особенно верим в этот синий камень... Этот ученый-высочка Пеллеров очень раздут. Ну, вот и все инструкции. Правда, просто?

— Гениально просто! — пробормотал Титов: — срок жизни СССР—четыре месяца. Пустяки.

— Вас это не огорчает?

— Меня это приводит в бешеный восторг. Ведь вы представить себе не можете, сколько раз в день мы там рискуем своей головой, когда работаем по заданиям Союза Золота.

— Мы это оценим!—сказал лысый сэр.

Титов поклонился и вышел.

Однако, выехать ему в этот день не удалось.

Рабочие бастовали. Улицы замерли, затихли, погрузились в темноту.

Где-то прогремели выстрелы.

— Восстание на военных заводах!—пронеслось шопотом по городу.

Пролетели отряды полиции.

Титов узнал о новом способе, применяемом здесь к бунтовщикам: полиция с авиоциклетов сбрасывала особые колпаки на бунтовщиков. Колпаки выхватывали из толпы горсти людей, прикрывали их, разбивали толпу, остатки ее загонялись в особые изоляционные камеры.

Главным же средством были знаменитые 'прививки доктора Шторбе, которые убивали в человеке инициативу, притупляли его память. Эти прививки назывались „сывороткой кротости“ и широко применялись при всех мятежах.

Несмотря на то, что на военных заводах громадный процент негров (это позволяет механизированный труд по системе проф. Гроггера, развившего положение старого практика 20-х годов—Генри Форда). Несмотря на то, что были приняты крутые меры против бунтовщиков, восстание затянулось неделю.

Титов рвался обратно, ему нужно было тотчас известить о замыслах врагов Главный Штаб Революционных войск.

Но приходилось набраться терпения и ждать. Он бродил по бетонным коробкам улиц, вслушивался в дикую музыку разгульных кафе, щупал удостоверение и шептал:

— Четыре месяца! Четыре месяца—и снова польется кровь. Успею ли я проникнуть в недра организации и предупредить взрыв?

7. Связка ключей.

Курковский не тратил понапрасну времени. За отсутствие Титова он выполнил задание на сто процентов.

В первые же дни своего приезда Титов понял, что между Юлей и Курковским установились ближайшие отношения. Наедине они даже говорили на ты.

Титов услышал обрывки разговора:

— Зачем старику машина!—говорил с жаром Курковский: старик обожрался славой, почестями, деньгами. Почему ты, я—оба молодые,—должны тлеть жалкими головешками, когда нам только протянуть руку—и мы возьмем от жизни ворох радостей, бессмертие, славу, золото. Или ты хочешь ждать, пока одно из бесчисленных покушений на старика удастся и все рухнет в бездну, останется неоткрытым навсегда? Он несколько не бережется. Письма с предупреждениями, угрозами, с предложениями продать секрет он сжигает, не читая или оставляет их валяться, где попало. Чем же это кончится?

Юлия похудела за это время. Она не сводила глаз с говоруна, шептала:

— Вы гипнотизер, вы гипнотизер!

Курковский продолжал:

— Ваша душа спала, как волшебная спящая красавица. Я пришел озарить вас, пришел звать вас к восстанию личности, к новой яркой яви!

— Удивительно, как она не замечает его театральности!—подумал Титов:—я гораздо лучше играю роль шпиона, чем он—роль соблазнителя.

Титов передал вести из „Союза Золота“ Курковскому. Тот нахмурился:

— Они дураки. Думают, синий камень—шуточка. Дураки! Впрочем, мы обделаем дельце задолго до ноября. Девочка—видели—готова. Но ведь легко сказать—взорвать. Разве можно надеяться взорвать площадь в несколько квадратных верст? Наконец авиотанки вывозятся в пограничные области. Они там совсем потеряли головы! Слушайте, дружище (Курковский подхватил под руку Титова). Вы храбрый человек? Я предлагаю вам рискованнейшее дело. Ставка: смерть или (есмертие. Мы захватим машину и секрет синего камня. С ними мы победим мир. Ведь этот старик— он мог бы сейчас повелевать всей планетой, а он сидит и ест вареную картошку. Заметили вы его обеды? Любый рабочий ест лучше, я не говорю об инженерах. Не знаю, это рисовка, не знаю, просто скверный плебейский вкус. Словом, мы с вами можем сделать хорошее дельце, если только я уломаю Юлию и заставлю ее отдать мне связку ключей.

— Но для этого нужно, чтобы Пеллеров уехал.

— Это налажено. Я могу особым аппаратом из соседней комнаты подавать радиogramмы. Получив радиogramму-вызов, Пеллеров вытряхнется отсюда, мы все обделаем днем, пристукнув старуху...

— А стража?

— Стража! Ведь мы здесь живем. Никто ничего не заподозрит... Впрочем, мы еще одну попытку сделаем— выкрасть синий камень через подземный ход, через подкоп...

Тут Курковский споткнулся:

— Вы о подкопе не знали? Совсем забыл, что вы еще на испытании. Впрочем, вы сдали экзамен. Думаю, можно довериться вам?

— Мне было бы обидно, если бы вы и теперь боялись меня, — произнес Титов: надеюсь, вы сделаете

меня своим пайщиком, когда реализуете барыши от вашего замысла? Больше мне ничего не надо.

— Отлично. Вечером сегодня я вам покажу подкорм. Во всяком случае я никогда не соглашусь взорвать заводы, если бы даже это было возможно. Скорее, я соглашусь умереть.

— Я разделяю ваше мнение,—на этот раз совершенно искренне согласился Титов: —а как вы думаете,—согласится эта самая Юлия заключить с нами союз?

— Со мной она заключила уже некоторого рода союз,—засмеялся поганым смешком Курковский:—сознаюсь, девица—огонь. Но теперь нужно убедить ее, что она создана для славы, что она рождена управлять. И тогда дело в шляпе.

— Действительно ли, как я слышал, она не родная дочь Пеллерова?

— Приемщи. И от знатных родителей.

— Ну, так я думаю, вам удастся ее уломать. Заправка много значит.

— Я думаю, удастся. Она влюблена в меня, как кошка. А у женщины ведь это много значит...

— Я еще хотел бы спросить вас, что вы думаете о Торне? В него за границей веруют, Торн у всех на языке.

— Торн, говорят, изобрел новые истребители. Ему принадлежат самые жестокие изобретения нашего века. Но ведь они не учитывают пластинок Пеллерова. Пластины обесмысливают всю химическую войну. Свойство их таково, что они поглощают все изобретенные душистые газы, окисляясь ими. Работая одновременно с кислородными разрядителями, они превращают химическую войну в детскую забаву.

— Но ведь есть еще воздушная война, есть еще сверхтанки и глушители, которые впервые применялись в войне 31 года?

— Есть еще много вещичек, о которых мы с вами

не слышали. Теперь в Америке целые военные города. „Союз Золота“, „Союз Голубой Крови“ и „Общество миллиардеров“ образовали трест. Наступают дни финала. Кто-то должен победить. Сейчас штатские люди и организации в Америке — придаточный орган при военной туше. Грядут огненные дни. Это будет времячко, когда нужно успевать захватывать положение в обществе. Капитализм победит—и тогда...

— Тогда?

— Тогда девяти десятым человечества будут делаться при рождении „прививки кротости“. Создастся армия скотинки, послушной, старательной, здоровенной, как все идиоты. Остальные будут прекрасно жить! Это будет сплошная радость! Вы любите золотого?

— Гм...

— Я очень люблю золото. И думаю, что у меня будет его достаточно... Однако, мы через чур разболтались. Вы хотите сегодня осмотреть наш подкоп? Сегодня я возьму вас на заседание ордена „Твердый знак“. До ночи!..

8. Подземелья.

— Кто идет?

— Из дома Пеллерова.

Синяя уральская ночь. Осенняя прозрачность. Ветер в горах.

Курковский торопится. Титов еле за ним поспевает.

Вдруг он свернул куда-то вбок. Вот он отворачивает в сторону плитняк, открывается узкий колодец. Кнопка звонка.

— Эге, да у вас даже лифт устроен—смеется Титов,—усаживаясь рядом с Курковским в бадью.

Электрическая проводка. Сырые стены подземелья. Извилистые ходы.

Курковский опять торопится. Титов щупает на ходу

электрический револьвер, обычный, каким вооружена вся красная армия.

— Наклонитесь!—кричит Курковский.

Вдруг ослепляет яркий свет. Они в громадной зале. Колонны. Скамьи. Оружейный склад. В дверях часовые. Десяток людей за столом.

Титов узнает двух инженеров. Других он, кажется, не видал. А это кто в углу? Титов кусает губы, чтобы не выдать себя: Вардин, которого Титов сам, своими глазами, видел в покойницкой, подал ему условный знак, знак агента Г. П. У.

— Объявляю заседание открытым!—говорит инженер Сургин:—в повестке дня суд над шпионом Титовым, начальником Г. П. У.

Титов вскочил. Но Вардин опять делает ему знак. Титов держит рукоять револьвера.

Курковский кривит губы в улыбку:

— Успокойтесь, товарищ Титов.

— Обвинение, — продолжает инженер Сургин, — в следующих поступках: первое, попытка запутать Курковского в убийстве Вардина. Между тем Вардина убил орден „Твердого знака“. Второе—Титов проник в тайны заговора, втерся в доверие Курковского и даже добился командировки в „Союз Золота“. Третье—повидимому, он предполагал расстроить заговор, предупредив Пеллерова и власти о замышляемом. Признаете себя виновным, подсудимый?

Титов во время медленных слов инженера успел разглядеть подлазелье. В углу был склад бомб.

— Что если пустить их и самому с ними взлететь в воздух? Для этого достаточно выстрелить в ворох бомб.

— Вы должны были, друзья, прежде всего разоружить меня, а после уже разговаривать. Разве можно судить в помещении, где лежат бомбы? Вы наивны, друзья! Достаточно мне выстрелить в провода—чтобы

мы все оказались в темноте. К чему так глупо рисковать жизнью, как вы рискуете?

Кое-кто беспокойно оглянулся на бомбы. Курковский сказал:

— Вам тоже, милейший, не захочется умирать. Мы вас привели сюда не убивать. Мы вас привели сюда объяснить, что вы имеете дело с хорошо налаженным аппаратом. Вы понимаете, как мы узнали о вас? Вы дали расписку в получении документов и бумаг для „Союза Золота“. Вы забыли, что почерк—это ваш паспорт! Теперь, чего мы от вас хотим? Хотим предложить вам миллион долларов за инструктирование в управлении аппаратом „Це“.

— Почему миллион, а не два?

— Потому что второй миллион вы получите, если согласитесь поступить механиком на аэротанк.

— Так. Но где гарантия, что я, выйдя на свет, не заявлю тотчас о вашей организации?—спросил Титов.

— Гарантия? Мы вам ее покажем, для этого вас и привели сюда.

— Мигрин!—крикнул Курковский.

Подошел тот, кого принял Титов за умершего Вардина.

— Проводите арестованного подземельем под дом Пеллерова. Покажите заряженные, готовые ко взрыву щели. Он поймет, что завод в наших руках и что взорвать его мы можем в любую минуту. Нам нужно не это. Если милейший начальник Г. П. У. захочет, он спасет от гибели изобретения Пеллерова: он будет молчать.

— Идемте.

Титова повели. Он шел впереди. Его страж—сзади. Вдруг Титов услышал шепот.

— Товарищ Титов, это я—Вардин.

— Чорт возьми, но ты убит.

— Убит Мигрин. Я его выделал электрическим всасывателем под Вардина, а себя под него, Цонятно?

— Но даже я ошибся. Кто его отравил?

— Я.

— Что со мной сделают?

— С вами? Ничего. Выпустят. Только вы не бойтесь. Все их батареи будут разряжены. Кучка сумасшедших. Я думаю, мы их обезвредим в скором времени. Главное тешить их мыслью о синем камне, тогда они будут бегать лучше нас товарища Пеллерова...

Когда Титов приведен был снова в зал, судьи спросили:

— Согласны ли вы на сделанные предложения?

— На второе—да. Быть механиком я согласен. А если я обучу вас—вы меня отравите, как поступили с Вардиным.

В подземельи поднялся хохот.

— У вас железная логика!—закричал Курковский:— Ну-с,—добавил он, теперь идемте мирно спать, зная, что под нами на сажень глубины стоят подземные мины, готовые превратить завод в пепелище.

9. Выстрел.

Утром Курковский и Титов встали как ни в чем не бывало на работу.

Пеллеров был весел. Шутил. Пришли тревожные вести из штаба.

Курковский проворчал:

— Пронюхали.

Пеллеров сказал:

— Скорее бы хоть война.

— Вы милитарист, оказывается!

— Еще какой!—засмеялся Пеллеров.

Титов подумывал, как бы известить Пеллерова, чтобы он забрал у дочери своей приемной связку ключей и не оставлял ей в свое отсутствие.

Вдруг вошла Юлия. Она старалась не смотреть на Курковского.

— Папа,—сказала она тихо,—я думаю проехаться, так куда-нибудь. Возьми ключи и дай мне денег на дорогу.

Курковский позеленел.

Но Юлия на него и не взглянула.

Вечером она уехала.

Курковский был взбешен.

Ночью опять разбудил Титова.

— Как вам нравится? Уехала ведь! Вы знаете, она оставила мне письмо: говорит, хочу тебя проверить, любишь ты меня или любишь славу, которую можешь украсть при моем участии. Только для этого и уезжаю. Чорт знает, что такое!

Титов теперь играл роль купленного за деньги пэ-менника.

Он в ответ на бурную речь Курковского потребовал у него задаток.

— Дайте хоть тысяч пятьдесят. Вы думаете легко мне продаться?

— Помилуйте, но вы войдете в историю, если согласитесь с нами лететь на аэротанке. Это будет ловкая штука—выкрасть первейшее в мире изобретение!

— Да, — вздохнул Титов, — мы будем знаменитые воры.

— Победителей не судят. Мы будем победителями—воскликнул Курковский.

Титов слушал его нескончаемые планы будущей богатой жизни и думал:

— Какой-то золотопсихоз. Они так верят в силу золота, что поверили начальнику Г. П. У. в измене за миллион!

Утром получил Титов деньги. Изобразил жадность. Считал, пересчитывал, купил себе новый костюм, заодно известив в городе, кого следует, об усилении охраны на заводе.

В городе носились упорные слухи о предстоящей войне. Газеты полны были описаниями издевательств, какие позволяют себе усмирители рабочих в капиталистических странах.

К Пеллерову направлена была из центра военная комиссия.

Пеллеров беседовал с ней у себя в кабинете. Курковский из себя выходил:

— Юлька должна была подслушать и нам сообщить! Какая она после этого любовница! Ведь пора уже действовать. Ноябрь на носу.

Юлия приехала. Измученная, похудевшая, она не могла скрывать своего отношения к Курковскому и чуть не бросилась к нему.

Неизвестно почему—по рассеянности ли или по каким-нибудь соображениям, Пеллеров не передал связку ключей Юлии.

Курковский рвал на себе волосы:

— Упущен момент! Упущен!

Титов должен был пойти в мастерские. Это было четвертого ноября.

Ему показалось подозрительным лицо Курковского. Он был возбужден, глаза его блестели, губы подергивались судорожно.

Титов поэтому хлопнул дверью, но не ушел. Вернулся в темный угол коридора, где он сживал уже несколько раз.

Курковский и Пеллеров работали в мастерской молча. Пеллеров заканчивал приготовление каких-то масок. Опять никто не знал ни назначения этих масок, ни состава прозрачных кружков—не то стеклянных, не то слюдяных.

Юлия сидела в соседней комнате и играла на рояли. Пеллеров заговорил первый.

— Вячеслав!—сказал он:—ты любишь Юлию?

Курковский видимо растерялся:

— Учитель! — пробормотал он, — ваш вопрос так неожиданно поставлен... Да, учитель... Я боялся вам об этом сказать.

— Почему ты так вздрогнул? На твоём лице печать преступления. Разве любовь преступна?

В голосе Курковского была растерянность. Но вот он оправился, вот он окреп и голос его — грозит.

— На моём лице, — говорит он, — написано другое: оскорбление ученика и помощника, которого используют как машину, как сверлильный станок, а потом, по миновании надобности, вышвырнут. Ваша машина...

— Моя машина? — перебил Пеллеров.

— Ваша машина — тихо, но угрожающе говорил Курковский: — она будет пущена скоро в ход. Это говорила мне Юлия.

— Юлия? Вы так близки?

Курковский продолжал, не замечая вопроса Пеллерова:

— Между тем вы ни разу не захотели посвятить меня в тайны её устройства. А ведь не один же вы думаете на ней лететь? Вам понадобится механик.

Пеллеров тоже начинал повышать голос:

— Я еду один. Или со мной будет моя дочь — Варвара.

— Икар женского пола?.. Наконец, разве не обязаны вы иметь преемника на случай несчастья? Вас могут убить... И тогда ваше изобретение исчезнет! Ведь синий камень...

— Синий камень?

Курковский прикусил язык.

— Ты слишком много знаешь, Вячеслав, — проворчал старик Пеллеров.

— А хочу, — перебил Курковский, — хочу знать все. Я не ручаюсь, что вы не будете убиты в любой момент. Вы неосторожны, вы доверчивы. И поэтому вы должны сказать мне состав „Синего камня“.

— Я дал клятву не говорить никому до конца...

— До конца?— многозначительно подхватил слово Курковский.

— Ты запугиваешь меня? Ничего не выйдет.

— Выйдет, проклятый старик! Предупреждаю тебя, что весь завод будет взорван. Нужно спасти машину. Нужно спасти и синий камень. Вокруг тебя измена. Титов подкуплен. Твоя дочь—моя любовница. Сдайся, старик. Ты сыт жизнью. Отдай мне счастье, дай мне кусок славы. Я хочу золота, почестей, ты не умеешь ими пользоваться, ты—халуй до конца, несмотря на гениальные мозги и гениальные удачи!

— Сумасшедший!—крикнул Пеллеров,—тебя расстреляют.

— Ни с места!—крикнул Курковский.

Титов выскочил из угла. В этот миг прозвучал выстрел.

Титов увидел на полу Юлию. Она успела вбежать и засловить отца.

Курковский дрожал в иступлении. Титов выстрелил в него, почти не целясь.

Две кровавых лужи растекались по полу. Пеллеров осматривал рану Юлии. Титов выстрелил еще раз в бывшего на полу Курковского. В то же время под руководством Вардина хватали других участников велепого ордена „Твердый знак“.

10. Эскадрилья «Союза Золота».

Седьмого ноября в тридцатую годовщину Октябрьской революции снялась с места эскадрилья „Союза Золота“. В то же время двинуты были через границу С. С. С. Р. дивизионы сверхтанков, истребителей и негритянских бойцов. В армию Капитала записывалась добровольцами вся знать, много дам высшего света сменили прозрачные декольтированные платья на во-

енные френчи. Река золота хлынула, чтобы затопить голоса протеста. Миллионы и миллионы пудов чугуна, стали, меди—катились на колесах, летели на крыльях,плыли по воде, чтобы задушить Союз Советских Республик.

— Ни одного вленного!

— Перепахать заново Восток!

— Сравнять с землей Кремль!

— Каждый гуманный поступок по отношению к коммунисту—измена!

Вот лозунги, выброшенные черными полчищами в этот день.

Предполагалось пустить автоматы-истребители, которые двинутся и истребляют, пущенные в ход, в течение суток.

Кто-то писал статьи о необходимости заразить всю Азию чумой. Советовали выжигать города, бросая горючие вещества из аэротанков. Аристократки растлевали войска, устраивая вакханалии, крича:

— Мы отдаемся каждому, кто идет драться с ненавистными советами.

Гнилая волна изжившей себя культуры катилась на крепкие форты С.С.С.Р. И поэтому общее смятение охватило жителей Союза Республик, когда пронесся слух, что красную армию разоружают, что войска пойдут на фронт без оружия, с обозами и вереницей поездных платформ.

Старик Пеллеров в черной кожаной куртке, в шлеме и маске, болтавшийся на груди, походил на какого-то выходца с другой планеты. Около него ни на шаг не отстают телохранители Титов, Варя и несколько рабчих-друзников.

Заводы прекратили свой грохот. Словно затихли, чтобы слушать слово своего вдохновителя—Пеллерова. Не верещат лебедки, не дымят сердитые трубы. Смолкло пение стали и ход затих станков. Топны ра-

бочих провожают летчиков. Маленький отряд азротанков должен встретить буйный поток врагов.

Все настроены торжественно, празднично. Только Юлия лежит в постели, в жару. Около нее сидит старая Максимовна, бормочет старые слова. Юлия не знает, ни какое число сегодня, ни какой день. Юлии доктора запретили волноваться, думать. Юлия не знает, что сегодня—ребро, перелом, что с сегодняшнего дня начинается новое, чего вовсе не понять старой Максимовне. Юлия шепчет:

— Максимовна! Скажи—жив он, Курковский? Скажи только слово: жив? Нет? Впрочем, все равно, мое дело конченное, противно жить. Могла я увидеть другую, яркую явь—но не хватило храбрости перешагнуть через труп отца—приемного отца. А теперь мое дело конченное. Правда, Максимовна?

Плачет старуха, заливается. Двери притворяет плотно, чтобы не слышала Юлия шуму и говору.

Пеллеров говорит речь. Какой он оратор? Говорить он не мастер. Слова у него не ложатся рядом, громоздятся одно на другое. Но это только вначале. Только дайте ему раскататься, дайте ему разгорячиться, старик еще покажет себя.

Ну и толпа собралась на плаце!

Вардин у радиотелефона—принимает сообщения о движении вражеских войск.

Как только придут эскадрильи черных пилотов к линии границ—Пеллеров должен сняться с места.

— Товарищи!—говорит седоволосый изобретатель.—Рабочий выдумал эту штучку, рабочий сделал ее, отлил, рабочий же добыл из земли нужные материалы. Штучка эта—азротанка системы „Це“, но не в ней дело. До вчерашнего дня мои дочери даже не знали ничего ровнехонько, чего дочери—мало знал об этом реввоенсовет. Знало во всем Союзе об этом шесть-семь человек. Это—синий камень. Сегодня я о нем могу гово-

рять, как будто это полено. Теперь не страшно. Теперь враг ничего изменить не может. Наша Армия разоружается, переформируется в рабочие дружины. Потому что, товарищи, работы предстоит много.

Пятьдесят лет, а то и сто, пожалуй, человечество портит сталь, уголь, силы, деньги на устройство машин истребления. Эпоха капитализма—это эпоха пушек и отравителей. Все подлости, какие могла придумать человеческая фантазия, пущены капитализмом в ход. Теперь мы порешили: конец. И я вам расскажу простую систему моей выдумки. Синий камень, это состав, случайно полученный при взрыве. Враги хотели уничтожить одно отделение завода. И они принесли себе смерть. В пожарище я и мои ученики искали остатки ценных веществ, хранившихся в погибшем здании. Нашли сплав. Исследовали. И вот случилась эта история: исследователи—мои ученики—погрузились в сон, в летаргический сон. Оказалось, при особой реакции сплав этот излучает синий свет, усыпляющий в короткое время все живое, попавшее под его лучи. Правда, несложно? Так вот и весь секрет. Я сейчас полечу, надену маску, чтобы не попали лучи ко мне. Ну, и тово...

Пеллеров сделал широкий жест.

— И тово!

Гремят оркестры, двигаясь к фронту впереди рабочих дружин. Седьмое ноября 1948 года—памятный день—великий субботник, великая уборка земли! Тысячи и сотни тысяч и миллионы людей ворошили по всей земле. Радио расшвыривало по земле путаницу вестей, приказов, обличений. Плакаты и воззвания к населению, пахнувшие типографской краской, разъясняли причину разоружения красной армии. Местами пытались создать панику. Но те же плакаты и воззвания, пахнувшие свежей типографской краской, сообщали, что части, охраняющие города, милиция и тер-

риториальные войска разоружены не будут. Население призывалось к спокойствию. В каждом городе, поселке, селе говорилось о синем камне, когда воздушный отряд снялся с плаца и со скоростью 500 верст в час полетел на запад.

Перед отлетом Пеллеров зашел к Юлии. Поцеловал ее, тихо сказал:

— Спасибо, брат. Ты поступила так, как должно было. Я сегодня должен быть на работе. Скоро вернусь. Прощай.

Недолго летел отряд Прокопа Пеллерова над землями СССР. Но много дум передумал за это время Пеллеров, летевший во главе отряда.

— Ровно тридцать лет. И как изменилось лицо этих равнин, пригорков, этих городов, речушек, пустырей. Пеллеров видел все от начала до конца. Мальчишкой двадцатидвухлетним он вступил в ряды красной армии. Голыми руками дрались с наемным врагом. И победили. Помнит Пеллеров новые фронты: борьбу за промышленность, за урожай, борьбу с неграмотностью, борьбу с тьмой, борьбу с природой суровой, завоевание чернозема, руды железной, возвращение машин, укрепление мужицких рук, осуществление электрификации. Помнит Пеллеров, как проводилась первая воздушная дорога, первый радиотелефон, как был выпущен первый номер радиогазеты, имевшей десятиmillionный тираж.

Шаг за шагом догоняла в культурных достижениях Запад раскрепощенная толпа республик. Рос на глазах у испуганно ерзавшего Запада мужик, обгонял революционный город западные разлагавшиеся города. Ширились библиотеки, росли заводы, степь и тайга крепились бетонными стенами, трактор полосовал суглинистую рощицу, электропуг взрывал чернобурую новь. Трудная, бесконечно-трудная работа: вспахать человеческий нетронутый мозг, пройти глубокими бороздами, взволновать, разбудить, взрастить.

Но сделано, сделано, а Запад гнилозубый икает, не переваривая катаральным желудком жизнь.

Пеллеров думал о том, что это не он, Пеллеров, а жизнь дала этот синий камень, чтобы одним ударом этого камня добить рахитичного гнилокостного живого мертвеца.

Летел отряд с быстротой 500 верст в час. Мелькали внизу ситцевые пятна пашен. Пеллеров дышал глубоко и радость, глотал вольного ветра и прибавлял ход.

Пятьсот пятьдесят верст—предельная скорость. Свистит воздух. Вытянулся в линию отряд. Команда по боевой линии—по радиотелефону:

— Приготовить прожекторы.

Вдали показалась черная стая—как галочий лет—эскадрилья неприятеля, сынков банкиров и лордов, не доверивших руля никому.

Внизу муравьиная стройность: дивизионы танков. Лавина. Вал. Пеллеров подумал:

— Сколько костей истлело там, внизу,—участников боен и битв! Знали бы они, как просто, словно слепых котят, переловят революционные отряды стаю ползающих танков!

Аэродредноуты противника бросили первые баллоны вниз. Увы—некого истреблять жадным истребителям. Красные войска отошли в тыл. Торжествуют отряды армии Желтого Золота:

— Струсил! Попрыгались!

И радио хлещется, щекочет тыл первыми вестями с фронта:

— Струсил! Попрыгались! Наступаем!

Близко эскадрилья противника. Искрой пролетела команда Пеллерова и заострили копыта голубые лучи прожекторов. Синий камень забросал синий сон. Щупают голубые лучи каждый аэродредноут, каждого летчика и убийцу. Цепляются голубые лучи за каждое крыло и играют на каждом пропеллере. Страшная ми-

нута: мимо пеллеровского отряда промчались безмолвные, безглазые крылатые чудовища, словно ослепленная саранча. Усыпили голубые лучи легчиков, пилотов,—сынков банкиров и королей. Спящие пилоты мчатся на неуправляемых аэродредноутах. Куда-то умчит их ослепленный яростный зверь?

Отряд Пеллерова снизился. Снова заострились голубые копыта. Воткнулись в передовые отряды истребителей. Кольнули черные колонны негров. Прорезали путь во чрево танков, заглянули в тыл, в штабы, пронизали голубым острием мозг армии—главштаб.

Жирный тыл ждет вестей, но молчит радио. Миллионная армия спит. Отряд Пеллерова—маленький отрядик в пятьсот аэротанков рассыпался и разит голубыми копытами врага.

Радио шлет рабочим дружинам извещение, радиогазета рассказывает об уснувших полках.

Снизился отряд Пеллерова на сухие равнины. Обижено сжала сухие губы земля: разве не будет пролито сегодня теплого вина? Разве сегодня не ляжет одобрением человежье мясо?

Рабочие дружины в поездах, в автомобилях, в дирижаблях прибывают на фронт. С песнями выстраиваются в колонны, идут среди спящих войск, собирают миллионы пудов железа, стали, меди. Нагруженные возвращаются в тыл поезда, автомобили, дирижабли. Будет работы заводам, плавильням, мастерским. Пятьдесят, а не то и все сто лет человечество портило металл на ненужные вещи. Сколько дул и клинков, сколько жерл рухнет в горло доменной печи.

Работают дружины красной армии долго, сосредоточенно, до поту. И страшно им бродить среди заснувших солдат. Кто заснул на коне, и конь спит, замахнув ногу. Кто крепко спит в танке, а танка все еще ползет, расходуя последние силы. Пехота легла ворохом серого тряпья. Штыки так и не пригодились воя-

кам. Киносъемщики носятся на бешеных автомобилях. Пленок не хватает. Художники зарисовывают группы спящих вояк, ползающие без дороги танки. Санитарные отряды прибыли во вторую очередь. Только им больше работы, чем бывало с мертвецами. Рассортировывать сонных людей, заправилам, начальникам, штабным верховодам сделать прививки кротости по системе доктора Шторбе, чтобы раз навсегда излечить от золотой болезни.

В одном из штабов натолкнулся Титов на спящего лысого секретаря „Сюза Золота“. Собственными руками впрыснул ему двойную дозу „сыворотки кротости“.

В это время прозвучала команда, умноженная усилителями: Пеллеровский отряд двинулся на вторую линию фронта довести свое дело до конца.

Странная это была ночь — ночь с 7-го на 8-е ноября 1948 года. Горели костры. Шарили в тучах сторожевые прожекторы: опасенья были, что ошалевшие банкиры еще создадут какой-нибудь отряд.

Где-то играл оркестр. Где-то пели. Наступавшие солдаты все еще спали: действие голубых лучей не менее суток. Другим — победителям не спалось. Это не помешало утром с новой силой приняться за работу.

Просыпавшихся от голубого сна встречали дружными приветствиями, поздравлениями, рассказами о „голубом камне“. Один негр бросился было тузить направо и направо черными кулаками.

Кое-как втолковали ему, что он свободен и может вернуться в свои солнечные края.

Немного омрачено было общее ликование налетом сумасшедших купцов. Впрочем, их заметили еще издали, аэротанк Пеллерова их живо уgomонил. Работы было много. Всю эту громаду чугуна и стали нужно было собрать, погрузить и перевести. Работники требовали много пищи. Ну и аппетит развился у грузчиков чугуна!

Пеллеров получил радиотелеграмму: Юлия умерла в бреду.

Пеллеров нахмурился, прошептал:

— Девченке не подходила эта жизнь. Гнилое сердце дали ей родители, бедняжке!

Варя Пеллерова взяла подкоманду женский отряд: они перевозили на тачках, в вагонетках, на особых грузовичках винтовки, пулеметные ленты.

На третий день стали приезжать делегации от рабочих капиталистических стран.

Радио сообщило о самоубийстве двухсот шестидесяти банкиров и богачей.

ВЫШЛО ИЗ ПЕЧАТИ:

Н. Гард:—Голова в 10.000.

Джон Мурей:—Порог Дианы (перев. с английского С. Коринского).

Дм. Четвериков: — Трахтырь.

Антон Горелов: — Огненные дни.

~~~~~

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Ант. Горелов: — Золотой песок.

А. Свентицкий: — Портреты современников.

Мих. Казаков: — Человечья закута.

А. Чапыгин: — Рассказы.

Вас. Андреев: — Кошмар.

~~~~~

ПАМЕЧЕНЫ К ПЕЧАТИ:

Вс. Иванов: — Рассказы

П. Д. Жуков: — Блокнот писателя.

~~~~~

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Ленинград, Коломенская, д. № 10, телеф. № 168-55.
Представительство: Москва, Б. Ржевский, 9, кв. 2, тел. 64-75.